

ной рабочей силе создавали предпосылки для расширения системы профтехучилищ. Благодаря этому контингент учащихся профтехучилищ (дневная форма обучения) возрос с 81,5 тыс. в 1971 г. до 136,5 тыс. в 1980 г., увеличившись на 67,6 %, в том числе количество учащихся выросло в городских ПТУ в 1,4 раза, в техникумах — в 2,4 раза, в средних ПТУ — в 14,1 раза². Резкое увеличение контингента средних ПТУ было связано с преобразованием в них профтехучилищ, а также сближением общеобразовательной и профессиональной школы.

Комплексная механизация и автоматизация производства сопровождалась повышением требований к уровню квалификации рабочих кадров. Происходила ликвидация узкопрофессионального труда операционников. На смену им приходили рабочие широкого профиля, которые обладали знаниями, умениями и навыками, позволяющими выполнять смежные операции и работы. В 70-е — начале 80-х гг. в несколько раз выросло число наладчиков и настройщиков станков и автоматических линий. В системе ПТО было организовано обучение по таким современным профессиям, как операторы счетных машин, операторы и наладчики автоматических линий, арматурщики-электросварщики, машинисты кранов, операторы по откорму крупного рогатого скота, мастера по технической диагностике. Перечень специальностей, по которым готовились рабочие кадры в профтехучилищах, расширился с 224 в 1971 г. до 303 в 1980 г. При этом была организована подготовка по 61 новой профессии и прекращена по 23³.

Система ПТУ готовила будущих рабочих в соответствии с требованиями НТР и состоянием научно-теоретической мысли. На протяжении 1971—1980 гг. квалификационные экзамены на установление разряда сдало большинство учащихся. Выпускники училищ получали значительно больший объем теоретических знаний и практических навыков, чем те, кто проходил подготовку на производстве.

¹ БГА. Ф. 909, оп. 4, д. 498, л. 38; Текущий архив Министерства образования РБ. Справка о развитии профессионально-технического образования в БССР в 1976—1980 гг. Л. 14.

² См.: Текущий архив Министерства образования РБ. Справка о развитии профессионально-технического образования в БССР в 1971—1975 гг. Л. 3; Справка о развитии профессионально-технического образования в БССР в 1976—1980 гг. Л. 2.

³ БГА. Ф. 909, оп. 4, д. 499, л. 20.

К. А. ПЕТРОВ

РИТУАЛЬНЫЕ РАНГИ И ФУНКЦИИ УЧАСТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО СРАЖЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Данное исследование строится на предположении о наличии в конкретном историко-культурном ареале традиционных представлений о сражении как системе достаточно определенных действий, которые осознавались глубоко личностно и выражались в соответствующем поведении участников средневековых батальонов Западной Европы.

Источниковая база опирается на три текста одной культуры, относящиеся к разным стадиям развития: VI, XIII, XV вв. Ограниченность источников обуславливает предварительный характер выводов.

В соответствии со своим социальным рангом и типом вооружения различные группы воинов выполняли в ходе сражения различные функции. В их действиях явственно проглядывают различные пласты упорядоченности: 1) социальный, 2) тактический или утилитарный. И тот, и другой, причудливо сочетаясь в сознании, способствовали выработке системы поведения, которая, оторвавшись от генетических основ, стала самодовлеющей. Появляется новый пласт — ритуальный. Социальное и тактическое — это как бы строительный материал для ритуализации (личностно-окрашенной деятельности по идеальному, т. е. в сознании, упорядочению мира, выступающей как следствие тревожности, реакции на вызов среды), используемый индивидуумом-демиургом. Возникнув, ритуальный пласт начинает в меру своих возможностей влиять на поведение людей, попеременно становясь в сознании то первой причиной, то причиной второй, третьей и т. д. Кроме того, одно и то же представление может переходить с одного уровня на другой. Однако этот своеобразный принцип неопределенности не должен снижать значимости ритуального пласта, который может вступать в противоречие с другими, выходя из фонового скрытого состояния.

На рубеже V—VI вв. градация рангов воинов в сражении четко не выражена, социальная иерархия, с сопутствующими особенностями вооружения, еще только зарождается, о чем свидетельствует хрестоматийный пример — эпизод с суассонской чашей, когда король франков Хлодвиг во время дележа добычи в завоеванном г. Суассоне (Галлия) потребовал сверх выпавшей ему по жребию доли добычи и драгоценный церковный сосуд. «Те, кто был поразумнее», согласились с этим требованием. Но среди возмущенных нашелся отважный воин, который, заявив: король получит только то, что ему выпало по жребию, — боевым топором разрубил чашу¹.

В XIII в., как свидетельствует хроника Робера де Клари, ситуация уже совершенно другая, что проявляется в принципе раздела добычи в зависимости от статуса и способа его определения: «...Бароны собрались и говорили между собой о том, чтобы разделить добро... Тогда выдали толику каждому рыцарю, каждому конному оруженосцу и всему остальному меньшему народу войска, в том числе женщинам и детям, каждому. И тогда Альом де Клари, клирик... тот, который был столь доблестен и который столько совершил там ратных подвигов... сказал, что он хотел бы участвовать в дележе как рыцарь; а кто-то сказал, что это не по праву, чтобы он считался при дележе за рыцаря, а он сказал, что по праву, ибо он тоже был на коне и в кольчуге, как рыцарь, и что он совершил ратных подвигов столько же и даже больше, чем любой рыцарь, который там был; и в конце концов граф де Сен-Поль вынес такое постановление, что ему должна быть выделена такая же доля, как и рыцарю...»² Интересно продолжение рассказа: «Таким образом этот клирик доказал, что клирики должны участвовать в дележе точно так же, как рыцари» (де Клари: XCVIII). Думается, этим ничего не доказано, лишь создан прецедент. Важно то, что подобный вывод хрониста говорит: представления о ранге участника сражения достаточно расплывчаты, не связаны жестко с социальным рангом, ритуальный ранг можно изменить собственными усилиями. Не являются ли в связи с этим имевшие место случаи посвящения в рыцари незнатных воинов прямо на поле брани не чем иным, как приведением социального ранга в соответствие с рангом ритуальным?

О разности ритуальных рангов повествует и эпизод казни византийского императора Алексея V Дуки. Робер де Клари вкладывает в уста дожа Венеции фразу: «...знатному человеку следует учинить знатную кару» (де Клари: CIX). Если существуют разные ритуальные ранги, то и функции их носителей разнятся. В V—VI вв. отдельные воины (видимо, не самые худшие) участвуют в поединках перед сражениями³. Они впереди всех. В XIII в. впереди должен быть рыцарь.

Если мы попытаемся установить источники зарождения представлений о необходимости быть впереди, то откроется несколько побудительных причин: а) утилитарные соображения — впереди, там, где трудно, должны быть наиболее опытные и хорошо вооруженные воины; б) социальные — сословная гордость. Но затем, когда ментальный фон сформирован, на нем непременно могут действовать эти различные причины, а может действовать непосредственно фон как нечто самостоятельное, не всегда до конца осознаваемое, но осознаваемое в принципе. И как узнать, какие мотивы важнее? Тут господствует неопределенность. Сам ментальный фон есть неопределенность, текучесть.

Обратимся к Роберу де Клари. Он описывает один из эпизодов штурма Константинополя летом 1203 г., когда граф Фландрский со своим отрядом, исходя из тактических соображений, решает далеко не отрываться от укрепления лагеря. «Когда отряд графа де Сен-Поля и мессира Пьера Амьенского увидел, что граф Фландрский отходит назад, рыцари сказали все разом, что граф Фландрский совершает нечто весьма постыдное: тот, кто находился в авангарде, отступает. И они вскричали все разом: «Сеньоры, сеньоры, граф Фландрский отходит назад! А коли он отходит назад, то предоставляет вам авангард. Ну-ка, займём его во имя бога!» И бароны согласились и сказали, что они встанут в авангарде. Когда граф Фландрский увидел, что граф де Сен-Поль и мессир Пьер Амьенский не собираются отходить, он послал к ним гонца и попросил их отойти назад. И мессир Пьер Амьенский ответил ему, что они и не думают отходить (де Клари: XLVII). В данном случае граф Фландрский нарушил ритуальные правила: утилитаризм и ритуал вошли в конфликт. И конфликт этот нарастает: «Когда рыцари боевого отряда графа Фландрского увидели, что граф де Сен-Поль и мессир Пьер Амьенский не отошли вслед за ними, все равно по какой причине (подчеркнуто мной — П. К.), они подошли к графу и сказали ему:

«Сеньор, вы совершаете весьма постыдное дело, не выступая вперед, и знайте, что если вы не двинетесь, мы не оставимся верны вам!» Когда граф Фландрский услышал эти слова, он прищипорил своего коня и вслед за ним все остальные и они так прищипорили, что нагнали боевой отряд графа де Сен-Поля и мессира Пьера Амьенского, и когда они нагнали его, то поскакали рядом с ним голова в голову...» (де Клари: XLVIII) Ритуал перевозимых утилитарных соображений. Рыцари должны быть впереди, а остальные воины, относившиеся к низшим рангам, позади. Само построение отражает эти взгляды: «И потом они порешили, что пешие оруженосцы последуют за конными отрядами...» (де Клари: XLV).

Очевидно, такие представления сыграли злую шутку в битве между войсками французского короля и бургундцами при Монлери в 1465 г.: «Кавалерия короля тем временем перешла в двух местах ров, и, когда она приблизилась настолько, что ее можно было атаковать с копьями наперевес, бургундские кавалеристы прорвали ряды собственных лучников — цвет и надежду армии, не дав им возможности ни разу выстрелить, и ринулись вперед»⁴.

Западноевропейский рыцарь — это конный воин-профессионал. Но нередко рыцарь был вынужден сражаться в пешем строю. Робер де Клари, например, рассказывает, как пешие рыцари высаживались с кораблей и штурмовали городскую башню Константинополя (де Клари: LXXIV). Данные Филиппа де Коммина позволяют зафиксировать наличие в XV в. новой черты ритуала сражения, однако рассматриваемые источники не дают возможности проследить ее истоки, связанные, очевидно, с англо-саксонским миром или даже уходящие корнями в древнегерманскую общность.

Обратим внимание на следующий отрывок: «В тот день я впервые увидел, как умело герцог Бургундский самолично отдает приказы. Он немедленно выдвинул все отряды в поле, кроме нескольких, которым он приказал продолжать осаду. Среди последних он оставил 500 англичан. По обе стороны деревни он расставил 1200 кавалеристов, а сам с 800 кавалеристами расположился напротив деревни, подальше, чем другие. Кавалеристов было немного, и многие знатные люди спешились и примкнули к лучникам» (де Коммин: 2, II). Здесь интересен факт спешивания. Создается впечатление, что знатные люди стремятся сражаться в пешем порядке: раз кавалеристов хватает, то они могут себе это позволить. Из-за этого стремления возникали, мягко говоря, неприятности: «Возвращаясь к своему предмету, замечу, что бургундцы потеряли много времени и понесли потери из-за того, что сначала спешивались, а потом вновь седлали лошадей» (де Коммин: 1, III).

Конечно, не все рыцари так страстно желали сражаться пешими. В нижеследующем отрывке нежелание спешиваться оценивается явно отрицательно: «Граф Варвик не имел привычки спешиваться во время битвы и, бросив своих людей в сражение, обычно садился на коня. Если все шло хорошо, то он вступал в схватку, а если плохо, то он заранее скрывался» (де Коммин: 3, VII).

А вот прямо противоположный пример: «...Умом и способностями наш король превосходил короля Эдуарда Английского, что царствовал тогда, хотя король Эдуард и был очень храбрым государем, выигравшим в Англии восемь или девять сражений, в которых участвовал пешим, что весьма похвально для него» (де Коммин: 6, I).

Участие в сражении пеших дворян — залог стойкости войск: «Пехота же герцога удерживала свои позиции и внесла смятение в наши ряды; правда, ею руководило около 200 пеших дворян из хороших фамилий» (де Коммин: 6, V).

Наконец настало время привести прямое свидетельство Филиппа де Коммина о значении спешивания: «Поначалу пришли к выводу, что все без исключения должны спешиться, но потом приняли иное решение, и почти все кавалеристы сели на лошадей; только нескольким добрым рыцарям и оруженосцам приказали остаться в пешем строю... В то время у бургундцев особым уважением пользовались те, кто действовал в пешем строю вместе с лучниками. Многие знатные люди поступали именно так, чтобы поднимать дух простолудинов и заставлять их лучше сражаться. Обычай этот шел от англичан, с которыми герцог Филипп Бургундский, еще молодым, вел войны во Франции...» (де Коммин: 1, III).

Итак, мы видим процесс формирования обычая, ставшего частью ментального фона, на котором действует индивидуальное воинское сознание. Вначале чисто утилитарные соображения, затем одухотворение, превращение в источник уважения и самоуважения. На следующем этапе происхо-

дит, как мы увидим, перемещение из ритуального плана вновь на утилитарный: «...И им он (Людовик XI — П. К.) придал 1500 кавалеристов, набранных по приказу, которые должны были в случае необходимости спешиваться» (де Коммин: 6, VI). Это уже не дело чести, не обычай, а обязанность.

Организация и ход сражения рассматриваются в данной статье в качестве целостной системы — ритуала, который является отражением ритуализации воинского сознания. Разные участники сражения имеют различный ритуальный ранг и в связи с этим действуют по-разному. Причина не только во внешнем давлении, но и во внутреннем убеждении. Упорядоченность функций частично снимает психологическую напряженность и способствует мобилизации сил воина для выполнения задачи. Ритуал сражения не представляет собой застывшую модель, он развивается, изменяется, сохраняясь, однако, как целостная система.

¹ Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. М., 1987. Кн. II, гл. 27.

² Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер. со ст.-фр. М., 1986. Гл. ХСVIII. В дальнейшем главы этого издания указываются в тексте статьи, в скобках.

³ Григорий Турский: II, 2; X, 3.

⁴ Филипп де Коммин. Мемуары / Пер. со ст.-фр. М., 1986. Кн. I, гл. III. В дальнейшем книги и главы этого издания указываются в тексте статьи, в скобках.